

Чудь и Паны.

(Происхождение и современное значеніе этихъ словъ).

Чѣмъ скуднѣе и малочисленнѣе памятники, свидѣтельствующіе о какой-либо исторической эпохѣ или моментѣ, тѣмъ больше разгорается любопытство изслѣдователя, пытающагося проникнуть въ таинственную глубь вѣковъ. Къ числу историческихъ загадокъ, неразрѣшенность которыхъ обусловлена недостаткомъ памятниковъ, относится вопросъ о первоначальныхъ обитателяхъ сѣверной Россіи. Не пытаюсь затрагивать этотъ серьезный вопросъ съ чисто научной точки зрѣнія, я имѣю въ виду лишь высказать нѣсколько умозаключеній, обоснованныхъ на изученіи народныхъ преданій и народнаго быта.

Огромная, малозаселенная сѣверная полоса Россіи, конечно, также имѣла свою исторію, но довольно бѣдную сколько-нибудь значительными событіями. Даже при столкновеніи различныхъ народностей, происходившемъ здѣсь въ историческую эпоху, трудно усмотрѣть какую-либо упорную или продолжительную борьбу за самобытность или политическую самостоятельность. Напротивъ, всѣ данныя говорятъ о безболѣзненной ассимиляціи аборигеновъ сѣвернаго края съ пришлымъ славянскимъ элементомъ.

Если обратиться къ болѣе поздней эпохѣ, то опять-таки можно видѣть, что сѣверъ во всѣ острые моменты русской исторіи сохранялъ почти непоколебимый покой, который создавало для него счастливое положеніе вдали отъ границъ съ могущественными державами.

Тѣмъ не менѣе въ памяти сѣверянъ сохраняется не мало различныхъ преданій, касающихся глубокаго прошлаго. Изслѣдователь сѣвернаго края прежде всего натолкнется на повсемѣстное воспоминаніе о чуди, загадочномъ финскомъ народѣ, населявшемъ, судя по преданіямъ, почти весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи. Во многихъ селеніяхъ еще до настоящаго времени могутъ сообщить, что такіе-то роды ведутъ свое происхожденіе отъ чуди, такіе-то отъ повгородцевъ; укажутъ чудскія городища, крѣпости, могилы и т. п.

Съ другой стороны, сохранилось воспоминаніе о какихъ-то зага-

дочныхъ „панахъ“ или „панькахъ“, воинственныхъ пришельцахъ, съ которыми населенію пришлось вести борьбу, хотя не особенно тяжелую. Точно также указываютъ могилы „пановъ“, мѣста, гдѣ они были разбиты и т. д.

Чаще же всего чудь и паны отождествляются въ устахъ народа. Нерѣдко въ одной и той же легендѣ, распространенной въ разныхъ мѣстахъ, фигурируютъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, то чудь, то паны. Г. Куликовскій въ своемъ „Словарѣ Областного Олонецкаго нарѣчія“, объясняя слово паны, говоритъ: „Подъ этимъ именемъ, иногда замѣняемымъ именемъ чуди, въ памяти обывателей Олонецкой губ. смѣшаны, повидимому, всѣ, съ кѣмъ пришлось вести борьбу колонизаторамъ этого края, а также тѣ, отъ кого въ далекія времена пришлось отстаивать свою собственность, самостоятельность: здѣсь и дѣйствительная чудь, живущая мѣстами въ Олонецкой губ., и та загадочная чудь, воспоминанія о которой живутъ въ средней Россіи и въ Сибири, литовцы, шайки разнаго рода людей, во времена самозванцевъ рыскавшихъ по сѣверу“.

Приблизительно такое же отождествленіе чуди и пановъ въ устахъ сѣверянъ можно усмотрѣть въ статьѣ г. Едемскаго „Изъ копенгегскихъ преданій о чуди“. „Съ преданіемъ о панахъ здѣсь тѣсно связано другое, о чуди. Обыкновенно при этомъ рассказчикъ, не замѣчая того самъ, переходитъ отъ пановъ къ чуди“...¹

Но то, что въ данное время отождествляется народомъ, то, что представляется его несовершенному взору лежащимъ въ одной плоскости, несомнѣнно имѣетъ ярко выраженный историческій рельефъ.

Если признаемъ, что чудь—особый народъ, нѣкогда населявшій сѣверъ и сѣверо-востокъ, то покажется мало вѣроятнымъ, какъ могъ онъ сохранить хотя бы даже единство названія на такомъ колоссальнѣйшемъ пространствѣ? Если еще и теперь населеніе Архангельской губ. по преимуществу сосредоточивается вдоль рѣкъ, причѣмъ каждый такой районъ представляетъ изъ себя отдѣльный мірокъ, отграниченный отъ другихъ огромными лѣсными пустынями и отличающійся особымъ укладомъ жизни, то тѣмъ болѣе древняя чудь должна бы разбиться на мелкія племена, каждое съ особымъ названіемъ. На зарѣ исторіи почти всякій народъ дробится на мелкія группы, отличающіяся одна отъ другой какъ названіемъ, такъ и особенностями быта. Поэтому легче всего предположить, что слово „чудь“ въ устахъ славянъ-колонистовъ означало не что иное, какъ общее понятіе для обозначенія всѣхъ аборигеновъ-инородцевъ, съ которыми приходилось имъ сталкиваться во время своего поступательнаго движенія на сѣверъ. Подобное наименованіе, обобщающее нерѣдко самыя чуждыя

¹ См. „Ж. С.“, вып. 1—2, 1905 г., стр. 103.

другъ другу этническія группы, встрѣчается неоднократно на протяжении исторіи человѣческихъ обществъ и вызывается самыми различными причинами. Сознаніе своего превосходства надъ всѣми прочими народами побуждало древнихъ грековъ и римлянъ именовать все остальное человѣчество унизительнымъ словомъ варвары. Славяне, придя въ соприкосновеніе съ племенами германскаго корня, окрестили ихъ нѣмцами, объединяя въ этомъ наименованіи множество мелкихъ племенъ. Даже шведы въ старинныхъ русскихъ памятникахъ инсменности называются свейскими нѣмцами.

Нѣчто подобное могло произойти съ сѣверными славянами, столкнувшимися на своемъ колонизаторскомъ пути съ народцами финскаго корня. Встрѣчая чуждыхъ, слишкомъ рознящихся отъ нихъ туземцевъ, вялыхъ, непредпріимчивыхъ дикарей, славяне-колонисты не могли не поражаться ихъ странностями, и что же удивительнаго, если они окрестили своихъ новыхъ сосѣдей насмѣшливымъ наименованіемъ чудь, чудными, странными людьми. Такую постановку вопроса о чуди вполне раздѣляетъ В. О. Ключевскій, который говоритъ, что „древняя Русь всѣ мелкія финскія племена объединяла подъ однимъ общимъ названіемъ Чудь¹“.

Нѣкоторымъ доказательствомъ такого происхожденія слова „чудь“ можетъ служить современное его значеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣвернаго края. Обозначая первоначально насмѣшливое прозвище всѣхъ сѣверныхъ дикарей, понятіе „чудь“ постепенно ассоціировалось въ представленіи русскаго народа со всѣмъ тѣмъ, что носитъ признакъ дикости и невѣжества. Упомянутое чуди въ такомъ значеніи мнѣ приходилось наблюдать въ Онежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи. Бесѣдуя съ крестьянами с. Шелексы, которое до самаго послѣдняго времени славилось невѣжествомъ и темнотой, вошедшими въ пословицу у сосѣдей, я съ удивленіемъ услышалъ такую рѣчь:

— Чудь у насъ была раньше, чудь. Нѣба не было видно отъ лѣсу. „Шелекса да Озерца не обрадуютъ сердца“, говорили про насъ бурлаки. Хлѣба зебли отъ рудниковъ... Лѣсно у насъ было, а не сѣбно... Не знали самоваровъ, не знали разныхъ питерскихъ гостинцевъ. Чудь у насъ была на Шелексы, чудь, что и говорить! А какъ провели машину въ Архангельско да какъ стали онежана ѣздить черезъ наше мѣсто на станцію, вотъ тебѣ и выреспубли наша Шелекса... А допрежь чудь была, чудь.

Въ деревнѣ Воймозеро, Мардинской волости, расположенной верстахъ въ 120 отъ Шелексы и также отличавшейся дикостью, я слышалъ такія слова:

— Прежде у насъ была чудь, а теперь стала Русь, а еще немного, такъ и совсѣмъ выреспублиемъ.

¹ См. В. Ключевскій, „Курсъ Русской Исторіи“, т. I, стр. 364.

Такое противопоставленіе чуди, означающей дикость, понятію Русь, означающему культуру, несомнѣнно ведетъ свое происхожденіе изъ нѣдръ глубокой старины.

Далѣе, крестьяне сѣверныхъ губерній весьма часто даютъ своимъ односельчанамъ прозвища, сильно напоминающія то наименованіе, которое ихъ предки давали финскимъ аборигенамъ сѣвера. Въ д. Фехтальмѣ, Онежскаго уѣзда, одного дурковатаго мужика прозвали „Чудкѣ“, а мать его „Чудихой“. Лицъ, которыя проявляютъ какія-либо странности, почти повсемѣстно зовутъ чудилами, чудышками или чудавками. Всѣ эти слова одного и того же славянскаго корня и имѣющія одинаковое значеніе лишній разъ подтверждаютъ, что „чудь“—главнымъ образомъ, есть общій терминъ для обозначенія всего изъ ряда вонъ выходящаго и достойнаго насмѣшки.

Но современное понятіе чуди, какъ синонима невѣжества, не исключаетъ значенія его, какъ наименованія нѣкогда существовавшаго народа. Въ томъ же самомъ Воймозерѣ, гдѣ чудью именуютъ невѣжество, сохранилось множество преданій о чуди, какъ народѣ. Мнѣ показывали то мѣсто, гдѣ чудь зарылась въ землю, не желая переходить въ христіанскую вѣру и платить подати.

Поэтому, если въ какой-либо деревнѣ сохраняется воспоминаніе о происхожденіи того или другого рода отъ Чуди или отъ Руси, то къ этому можно отнестись съ полнымъ довѣріемъ, если подъ именемъ чудь разумѣть не какую-либо опредѣленную этническую группу, а всѣхъ тѣхъ прежнихъ насельниковъ, которыхъ застали пришельцы въ данномъ мѣстѣ и съ которыми они слились впоследствии. Въ зависимости отъ географическаго положенія данной мѣстности, эти прежніе насельники суть представители самыхъ различныхъ племенъ.

Если въ частности обратиться къ Онежскому уѣзду, гдѣ я производилъ свои наблюденія, то можно установить, что предшественниками славянскаго элемента здѣсь было финское племя — карелы. П. Ефименко, въ своемъ сочиненіи „Чудь Заволоцкая“ говоритъ слѣдующія слова относительно пребыванія карель въ нынѣшнемъ Онежскомъ уѣздѣ: „Всѣмъ финнологамъ Шегрену, Кастрену и Европеусу извѣстно, что по всѣму Поморью почти до самаго города Онеги встрѣчаются во множествѣ чисто карельскія наименованія мѣстностей. Даже весь берегъ отъ угла Кандалакской губы Бѣлаго моря до Онежской называется нынѣ Карельскимъ, а въ старину подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ берегъ Лѣтній отъ Карельскаго или Западнаго устья Двины, гдѣ находится Николаевскій Карельскій монастырь, по направленію къ г. Онегѣ. Въ разныхъ мѣстахъ Архангельской губ. не мало названій съ именемъ Карельскій... Такъ въ Онежскомъ уѣздѣ имѣются; въ Наволоцкой волости при р. Онегѣ островъ Карельской; въ Кокоринской волости поле Старокорельско, гора Карельска, пере-

лѣсокъ Корельскій. Изъ деревень съ именемъ Корельское въ Онежскомъ уѣздѣ извѣстны двѣ“¹.

По мѣрѣ проникновенія славянъ къ сѣверу, карелы все болѣе и болѣе поддавались вліянію пришельцевъ; поэтому въ болѣе южныхъ частяхъ Онежскаго уѣзда, гдѣ притокъ славянской крови былъ довольно великъ, отъ карель въ наше время остались лишь одни воспоминанія. По мѣрѣ же удаленія къ сѣверу карелы все болѣе и болѣе сохранили свою самобытность; но обрусѣніе идетъ и въ наше время, и быть можетъ, наступитъ такое время, когда карелы совершенно претворятся въ русскіхъ.

Доказательствомъ сравнительно недавняго сліянія карель съ русскими въ нѣкоторыхъ частяхъ Онежскаго уѣзда можетъ служить существованіе старыхъ родовъ съ финскими фамиліями. Такъ въ д. Воймозерѣ мнѣ передавали, какіе роды русскіе, а какіе „чудейскіе“. Къ первымъ относятъ Кирилловыхъ и Гавриловыхъ, выходцевъ изъ Новгородской области, ко вторымъ—Хенковыхъ. Финское происхожденіе этого послѣдняго слова несомнѣнно. Точно также въ д. Пачепелда сохранился „чудейскій“ родъ Пачепѣловыхъ. Самое слово пачепелда² можно произвести отъ patsas, чтѣ значитъ столбъ и pelto—поле.

Установивъ, что карелы нѣкогда населяли Онежскій уѣздъ и выясняя финское значеніе собственныхъ именъ, не трудно придти къ окончательному выводу въ отношеніи этого уѣзда, что понятіе чудь, общее прозвище всѣхъ финскихъ племенъ, въ данномъ мѣстѣ относилось не къ кому другому, какъ къ кареламъ.

Обратимся теперь къ панамъ и разберемъ, чтѣ разумѣется подъ этимъ словомъ въ наше время и откуда оно ведетъ свое начало. Въ современномъ значеніи панъ прежде всего чужакъ, челоуѣкъ пришлый. Въ Онежскомъ уѣздѣ мнѣ приходилось слышать такой вопросъ, заданный крестьянкою своей сосѣдкѣ относительно супруги лѣсничаго:

— А что она руська али паньска? (т. е. не русская).

Въ одной изъ деревень Шелековскаго прихода торгуетъ товарамъ нѣмецъ. Тѣмъ не менѣе о немъ всегда говорятъ какъ о панѣ, напримѣръ:

— Надо сходить къ пану, купить чаю.

— Панъ поѣхалъ на станцію и т. п.

Въ сохранившейся легендѣ среди крестьянъ с. Турчасова упо-

¹ См. П. С. Ефименко „Заволоцкая Чудь“, изд. Арх. губ. Стат. Комитета, 1859 г., стр. 94 и 95.

² Кромѣ пачепелды, окончаніе pelto находимъ въ наименованіи двухъ другихъ деревень Онеж. уѣзда Канзанелда и Пирзошелда.

минается, что паны говорили не по-нашему, произнося какія то непонятныя слова:

— Кути! Кути! Кути!

Изъ этихъ примѣровъ не трудно видѣть, что слово панъ синонимъ иностранца. Такое значеніе этого слова вполне естественно установилось въ сѣверныхъ трущобахъ, гдѣ пришлые, не чудейскіе инородцы составляютъ болѣе чѣмъ рѣдкое явленіе. Поэтому во всякомъ приходѣ не русскомъ человѣкѣ видятъ пана, т. е. похожаго по своимъ качествамъ на тѣхъ древнихъ пановъ, которые являлись сюда для грабежей. Въ то время, какъ чудь—туземные инородцы, дикари и трусы, паны—инородцы пришлые, развитые и смѣлые люди.

Для сѣвера Россіи, никогда не бывшаго ареной важныхъ историческихъ событій, нашествіе бродячихъ польско-казацкихъ шаекъ не могло (въ эпоху смутнаго времени) пройти безслѣдно. Въ разныхъ мѣстахъ сохранилось множество воспоминаній о тѣхъ схваткахъ, которыя происходили у сѣверянъ съ грабителями. На основаніи этихъ преданій, дополняемыхъ лѣтописными свѣдѣніями, не трудно установить даже самое распространеніе по сѣверу воровскихъ шаекъ. Главный потокъ вражескихъ силъ, хлынувшихъ изъ-подъ Москвы на сѣверъ, первоначально обрушился на Вологду, которая изъ-за оплошности воеводъ была взята и разграблена 22 сентября 1612 г.

Черезъ 3 дня послѣ этого событія воровскія шайки выступили изъ Вологды по направленію Холмогоръ, при чемъ по дорогѣ опустошили Новажье¹. Количество бродягъ, рыскавшихъ въ этомъ краю, достигало 7 тысячъ².

Разбитые въ 1613 г. подъ Емецкимъ Острогомъ въ Ратовомъ Наволокѣ, получившемъ свое наименованіе отъ этой битвы, бродяги двинулись въ ишозскія волости и въ Поморье, иные же пошли обратно на Вагу³.

Такимъ образомъ у Емецка грабители разсѣялись на малыя группы; одна изъ такихъ шаекъ, по видимому, пробралась съ р. Двины на р. Онегу и, опустошивъ волости по нижнему теченію этой послѣдней рѣки, достигла береговъ Онежской губы. О быломъ присутствіи польско-казацкихъ шаекъ на Онегѣ и въ Поморьѣ можно судить на основаніи слышанныхъ мною преданій о томъ, что „паны“ ѣхали внизъ по Онегѣ и напали на с. Турчасово. О пребываніи же ихъ въ Поморьѣ можно судить по тому факту, что возлѣ самой Онежской губы имѣется селеніе Ворзогоры, которое раньше называлось Ворогоры, отъ слова воры и гора. Въ словарь „Архангельскаго

¹ Записки П. Р. Г. О. по отдѣлу статистики, т. II, 1871 г., В. Л. Поповъ, Населеніе Вологодск. губ. стр. 66.

² Максимовъ „Годъ на сѣверѣ“, т. II, стр. 488 и 489.

³ Грандильевскій, „Родина Ломоносова“, стр. 260.

Областного Нарѣчія“, составленномъ Подвысоцкимъ, точно указано, что это селеніе получило свое наименованіе отъ засѣвшихъ здѣсь нѣкогда воровскихъ шаекъ смутной эпохи.

Исколесивъ почти весь сѣверъ, отважные грабители не могли не оставить по себѣ самыхъ живыхъ воспоминаній. Съ теченіемъ времени слово „паны“ стало нарицательнымъ наименованіемъ для всѣхъ разбойничьихъ шаекъ, появившихся въ разныхъ захолустныхъ уголкахъ. Г. Куликовскій рассказываетъ слѣдующее по этому поводу; „Въ деревнѣ Роксѣ, Лодейнопольскаго уѣзда, крестьяне такъ объясняли происхожденіе пановъ—„Соберется, бывало, шайка; вотъ и скажетъ кто-либо: я буду я надъ вами паномъ! И станетъ паномъ, да и у насъ всѣ зовутся паномъ, вся деревня пановы, паны“. Здѣсь такимъ образомъ пановъ не считаютъ чужими людьми, мало того, ежегодно спрашиваютъ по нимъ поминки ¹.

Наряду съ такимъ современнымъ значеніемъ слова „паны“, подъ нимъ, какъ мы упоминали, нѣрѣдко разумѣютъ чужака, пришлага иноземца.

Выяснивъ происхожденіе и современное значеніе въ устахъ народа словъ „чудь“ и „паны“, слѣдуетъ еще разобрать вопросъ объ отождествленіи въ легендахъ этихъ двухъ главныхъ враговъ, съ которыми приходилось бороться сѣверянамъ.

Нѣрѣдко рассказчики старинныхъ преданій упоминаютъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ то „чудь“, то „пановъ“. Какъ тѣ, такъ и другіе закапывались въ землю, не желая сдаваться; какъ тѣ, такъ и другіе доставляли сравнительно легкую побѣду сѣверянамъ.

Далѣе, одна и таже легенда, распространенная въ разныхъ селеніяхъ, приурочиваетъ мѣсто дѣйствія къ разнымъ пунктамъ. Такова, напримѣръ, легенда о панахъ, сообщенная мнѣ въ с. Турчасовѣ. Она гласитъ слѣдующее: „Вѣкомъ, т. е. когда-то давно, ѣхали по рѣкѣ „паны“ и кричали „Кути! Кути! Кути!“ Высадившись на прибрежной лудѣ, они полѣзли на Острожную гору, гдѣ въ то время, по всей вѣроятности, стояла маленькая крѣпость. Увидѣвъ непріятеля, жители Острога начали разбирать избы и скатывать бревна подъ гору. Конечно, паны всѣ были перебиты до единого“. Одинъ рассказчикъ упоминаетъ въ этомъ преданіи пановъ, а другой говоритъ, что это была чудь бѣлоглазая, которая „валила, какъ туча, къ морю“. Эта же самая легенда, но приуроченная не къ Острогу, а къ другимъ пунктамъ, распространена въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ланландіи, при чемъ здѣсь говорится только о Чуди, такъ какъ шайки грабителей эпохи лихолѣтія едва ли заходили въ этотъ отдаленный край.

Смѣшеніе историческихъ воспоминаній о чуди и панахъ весьма легко объяснить, если произвести хоть самый поверхностный анализъ

¹ Куликовскій, „Словарь Областного Олонецкаго Нарѣчія“, стр. 78.

ихъ отношенія къ мѣстному населенію и характера той борьбы, которая велась между „Русью“ и ея врагами.

Прежде всего, какъ чудь, такъ и паны—люди чуждые русскому, элементу. Разница лишь та, что одни искони вѣковъ населяли сѣверъ и предшествовали Руси, другіе же явились въ то время, когда она уже прочно осѣла и даже поглотила своихъ прежнихъ туземныхъ враговъ. Далѣе, какъ тѣ, такъ и другіе вели враждебныя дѣйствія съ Русью.

Эта борьба, какова бы она ни была, не могла не оставить по себѣ воспоминаній въ памяти сѣверянъ, избавленныхъ, въ силу географическихъ условій, отъ какой-либо другой, болѣе серьезной борьбы за самостоятельность. Во всѣхъ легендахъ говорится о легкости этой борьбы. То одна баба киселемъ заливаетъ множество пановъ или чуди, то одинъ легендарный герой истребляетъ ихъ въ невѣроятномъ большомъ количествѣ, то они сами бросаются въ озера, закапываются въ землю, убиваютъ другъ друга; то слѣпнуть и, какъ шальные, лѣзутъ на гору, откуда сбрасываютъ на нихъ бревна и камнями давятъ ихъ, какъ мухъ. Ни въ одной легендѣ не упоминается, чтобы „наши“ были разбиты этими врагами.

Слѣдовательно, черезчуръ тяжелой борьбы не было ни въ ту эпоху, когда повгородцы столкнулись съ туземнымъ элементомъ, ни въ эпоху смуты.

Чудь, т. е. мирныя финскія племена, разрозненныя, разбросанныя по необозримымъ лѣснымъ пространствамъ, не имѣвшія прочной общественной организаціи, едва ли могли представить серьезное сопротивленіе врагу, отважному, хорошо вооруженному и сьорганизованному въ ушкуйничьи дружины. Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рассказываютъ о томъ, что чудь оборонялась на одной сторонѣ рѣки, а нападающіе стрѣляли изъ луковъ съ другой, то по самому характеру такого сопротивленія трудно признать особое упорство и продолжительность подобной борьбы. Даже упоминаемое въ преданіяхъ самоистребленіе чуди, не желавшей пережить позоръ своего пораженія и согнуть выю передъ торжествующимъ врагомъ, едва ли можетъ служить доказательствомъ ея чрезмѣрной храбрости. Кромѣ того, нельзя признать за общее и постоянное явленіе самоубійство чуди, разбитой врагомъ. Всего вѣрнѣе, что закапывались только фанатики-жрецы съ ихъ приближенными, гдѣ-либо вблизи святилищъ.

Изъ разныхъ мѣстахъ Онежскаго уѣзда мнѣ указывали, какъ на мѣста вѣчнаго упокоенія чуди, на довольно-таки живописные боры или лѣсистые прибрежныя пригорки, которые могли служить священными мѣстами для поклоненія божествамъ. Самыя чудскія крѣпости, гдѣ повгородцы встрѣчали наиболѣе упорное сопротивленіе, очевидно, являлись не болѣе, какъ религіозными центрами.

Почти всѣ легенды говорятъ, что одной изъ причинъ, побуждав-

шихъ чудъ къ самозакапыванію, было нежеланіе принимать христіанство. Если это такъ, то вліяніе хранителей культа играло огромную роль въ погибели чуди. Жречество, наиболѣе заинтересованное въ сохраненіи прежней религіи, но не имѣвшее никакихъ положительныхъ средствъ для борьбы съ распространеніемъ новой религіи, могло только проповѣдывать среди правовѣрныхъ самоуничтоженіе, въ виду гибели старыхъ боговъ.

Но если религіозный пылъ фанатиковъ жрецовъ увлекалъ нѣкоторую часть чуди, то главныя массы ея, безъ сомнѣнія покорялись своей судьбѣ, принимали христіанство и постепенно ассимилировались съ болѣе сильными, энергичными и культурными пришельцами.

Занявъ сѣверные лѣса послѣ не продолжительной и легкой борьбы съ туземцами, русскіе колонисты также легко раздѣлялись съ нашествіемъ польско-казацкихъ шаекъ. Еще задолго до этой эпохи русскіе обитатели сѣвера не разъ проявляли свое мужество и отвагу въ морскихъ бояхъ съ „урманами“, въ которыхъ по временамъ просыпался грабительскій духъ предковъ. Но не заходя такъ далеко въ исторію, можно констатировать факты, свидѣтельствующіе объ изумительной отвагѣ сѣверянъ. Стоитъ, напримѣръ, вспомнить чудеса храбрости, проявленныя поморами при отраженіи англійской и французской эскадры въ 1855 г. отъ Колы и Соловецкаго монастыря.

Кѣчная борьба съ суровой природой, морскими и лѣсными звѣрями, сдѣлала сѣверянина отважнымъ и храбрымъ. Естественно, что тѣ воровскія шайки, которыя ухитрились сюда пробраться, едва ли могли безнаказанно хозяйничать здѣсь въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Къ тому же, имъ пришлось проколесить тысячи верстъ, прежде, чѣмъ достигнуть лѣсныхъ дебрей, выдержать множество схватокъ, перенести не мало разныхъ лишеній и болѣзней.

Обезсиленные, малочисленные отряды „пановъ“ не могли явиться сколько-нибудь серьезнымъ непріателемъ. Неудивительно, что съ ними такъ же легко было бороться, какъ и съ чудью, не взирая на ихъ несомнѣнную храбрость и смѣтливость.

Отражая набѣги „пановъ“, сѣверяне какъ бы опять переживали ту эпоху, когда боролись съ чудью, съ тою лишь разницей, что теперь они занимали положеніе обороняющагося.

Многіе прежніе приемы борьбы могли быть употреблены и теперь. А то, что было въ ту эпоху и что не могло быть повторено теперь, народное воображеніе впоследствии все-таки перенесло отъ чуди къ панамъ.

Этихъ послѣднихъ, судя по легендамъ, также заливали киселемъ, давили бревнами, топили въ прорубяхъ. Какой-нибудь одинъ народный герой немилосердно истреблялъ цѣлыя толпы паньковъ¹. Даже самое

¹ Максимовъ, Годъ на Сѣверѣ, т. II, стр. 319—320.

воспоминаніе объ этой борьбѣ вызываетъ въ настоящее время въ крестьянахъ веселое настроеніе. Въ сел. Роксѣ (Лодейнопольскаго у.), напримѣръ, существуетъ обычай справлять поминки по „панамъ“ въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ. Крестьяне относятся къ этимъ поминкамъ шутливо, бѣгаютъ, возятся, обливая другъ друга молокомъ, обмазывая киселемъ, почему и самый день зовется Киселевымъ¹. Вообще же можно сказать, что сѣверныя преданія о борьбѣ съ врагами носятъ комическій характеръ; они скорѣе напоминаютъ рассказы о пошехонцахъ, нежели канія-либо саги о героическихъ дѣлахъ давно минувшихъ дней.

Итакъ, имѣя въ основѣ историческую дѣйствительность, преданія о чуди и преданія о панахъ въ памяти русскихъ обитателей сѣвера смѣшались и переплелись между собою въ силу многихъ общихъ условій борьбы какъ съ тѣми, такъ и съ другими. Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ больше историческая дѣйствительность опутывалась туманомъ поэтическаго вымысла, тѣмъ болѣе въ глазахъ народа сливались въ одну плоскость воспоминанія о тѣхъ и о другихъ. Смѣшеніе эпохъ весьма часто наблюдается въ народныхъ разсказахъ. Былины, повѣствуя о богатыряхъ эпохи Владиміра Святого, заставляютъ ихъ защищать землю Святорусскую отъ татаръ, которые появились на два вѣка позже.

Дальность разстоянія, отдѣляющая современную эпоху отъ эпохи „чуди“ и „пановъ“, вводитъ въ оптическій обманъ несовершенное око малообразованнаго народа. И не удивительно, если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами эти названія утратили свое историческое значеніе. Чудь стала обозначать тьму и невѣжество, паны — разбойниковъ и иноземцевъ.

И. Калининъ.

¹ Г. Куликовскій, „Словарь Обл. Олонек. Нарѣчія“, стр. 36.